

УДК 82-1

DOI: 10.17223/19986645/51/13

А.Г. Маслова

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ С.С. БОБРОВА

Показывается, что в поэзии С.С. Боброва концептуальную роль играет время. Пространство неотделимо от времени. Заглавие поэтической книги «Рассвет полночи» отражает мифологическое содержание сборника, в котором представлены две сферы: земная и небесная. Для земного пространства характерен неумолимый ход времени, поэт фиксирует внимание на границах и переходах, движении и качественном изменении, умирании и воскресении, человек здесь пребывает в полночном состоянии, становясь свидетелем постоянной смены дней и ночей, времен года, лет и столетий. Но сама изменяющаяся жизнь свидетельствует о движении к иному, полдневному состоянию (то есть к вечности, Божественному пространству), это движение и передается с помощью мифологемы «рассвет полночи».

Ключевые слова: русская поэзия конца XVIII – начала XIX в., С.С. Бобров, художественное время и пространство, мифопоэтика, поэтическое мифотворчество.

Семен Бобров – поэт, чье творчество признавали не многие из его современников и почти не вспоминали потомки, однако наследие его в последнее время все чаще становится предметом пристального внимания, о чем свидетельствует появление монографии В.Л. Коровина, посвященной анализу творчества С.С. Боброва [1], и издание собрания произведений Боброва «Рассвет полночи. Херсонида» в двух томах в серии «Литературные памятники» [2]. Еще в начале 1960-х гг. к анализу поэзии С.С. Боброва обратился М.Г. Альтшуллер [3], а в 1980–2000-е гг. последовал целый ряд работ, свидетельствующих о том, что особый интерес у исследователей вызывает юнгианский, или «нощной», текст поэзии С.С. Боброва [4–7]. Риккардо Николози рассматривает особенности функционирования в поэзии С.С. Боброва начала XIX в. петербургской топики [8. С. 171–184].

Ю.М. Лотман подчеркивал, что с творчества С.С. Боброва начинается в русской литературе «поэзия мысли» [9. С. 48], продолженная М.А. Дмитриевым-Мамоновым, В.К. Кюхельбекером, С.П. Шевыревым, Е.А. Баратынским. Определяя художественную позицию С.С. Боброва, Ю.М. Лотман связал ее как с космизмом научной поэзии М.В. Ломоносова, пронизанной пафосом проникновения в тайны природы, так и с предромантической эстетикой масонской формации, основанной на идеях А.М. Кутузова, испытавшей влияние Мильтона, Юнга, Клопштока и позднего Хераскова [10].

Склонность поэта к экспериментам отдаляет его от своего времени и сближает с авангардистской поэзией XX в., что отмечала Л.О. Зайонц, ис-

следовавшая особенности метафоры в поэтике С.С. Боброва: «Разрыв устойчивой эмблематической структуры традиционной поэтики, ее резкая метафоризация порождали эффект, близкий к “сюрреалистическому”, что могло восприниматься только как полное отсутствие поэтического вкуса» [11. С. 73]. В отсутствии вкуса нередко обвиняли современники и Г.Р. Державина, также проявлявшего склонность к обновлению поэтического языка. На близость Державина и Боброва в содержательном и стилевом плане указывает Ю.И. Минералов [12. С. 234–235]. Разноуровневые переключки в поэтике Г.Р. Державина и С.С. Боброва исследуются в работе С.А. Васильева [13. С. 14–52].

Именно С.С. Бобров оказывается, согласно исследованиям А.В. Петрова, одним из наиболее чутких к историсофской проблематике [14]. Об этом свидетельствует то, что поэт привлекают темы творения мира и космических катастроф, он оценивает историческое значение русских монархов в XVIII в., отзываясь на смену российских правителей, смену лет и столетия. Но не менее важными оказываются у Боброва и размышления над судьбой отдельного человека, подверженного воздействию времени: в смене лет и времен года видится поэту полет времени, приближающего старость и смерть.

Спектр тем поэзии С.С. Боброва кажется вполне традиционным для поэта – продолжателя державинских традиций: он обращается и к гражданской тематике, и к переложениям псалмов, и к духовно-философской проблематике, не чужда ему и любовная поэзия, представленная в жанре идиллии и своеобразных любовных «стенаний» и «воплей», отражающих противоречивость влюбленной души. В то же время форма произведений Боброва свидетельствует о глубоко новаторском характере его стихотворных опытов, что и предопределило его непонятость среди современников и ближайших потомков.

Противоречивость поэзии С.С. Боброва обусловлена стремлением автора использовать имеющиеся в его распоряжении эстетические «языки» и образы, среди которых и устоявшиеся в классицизме «общие места» торжественной оды, и гиперболизированные чувства («вопли», «стенания»), и мистические «тени» ранней романтической лирики, и идиллические картины сентименталистов, и историсофские идеи, античная и христианская мифология, и глубинный масонский «код». «Метафора Боброва мозаична, – пишет Л.О. Зайонц, – и как мозаика она являет собой единство раздробленности. В ней может осуществляться синтез нескольких культурных языков (эмблематического, идиллического, предромантического и т.д.). Использование одновременно нескольких “языков” не дает возможности осмыслить текст традиционным образом, т.е. в едином стилистическом ключе. Метафорика Боброва заставляет ежеминутно переключаться с одного “языка” на другой, разрушая гладкость восприятия образа» [11. С. 57–58]. Все это создает впечатление непродуманной эклектики, но было бы неверно именно так определить свойство поэтики бобровских текстов.

Научная проблема, решаемая в данном исследовании, заключается в анализе особенностей художественного мышления С.С. Боброва, пред-

определяющих новаторский характер его творчества и отразившихся в книге «Рассвет полночи» (1804).

Актуальность заявленной проблемы обусловлена обострившимся интересом современной науки к переходным процессам, в своем потенциале содержащим целые спектры явлений, далеко не всегда открытых взгляду современников и не ставших в связи с этим факторами, определившими основные векторы исторического развития литературы. Именно так воспринимается поэзия С.С. Боброва и его книга «Рассвет полночи». Не менее актуальным является и обращение к проблеме изучения авторского мифомышления Боброва, так как вопрос этот до сих пор не поднимался литературоведческой наукой, но именно мифологичностью художественного зрения поэта и обусловлено, на наш взгляд, новаторство его творчества.

Научная новизна исследования состоит в том, что мы впервые доказываем существенную роль хронопической организации образной системы поэтической книги С.С. Боброва «Рассвет полночи» в отражении авторской мифопоэтической картины мира.

Новаторский характер поэзии С.С. Боброва предопределен мифологичностью авторского мышления, которое, проникая в художественный текст, выглядит причудливо и вычурно на фоне рационально выверенной поэзии классицизма и чувствительной лирики сентименталистов с их изящным стилем. Проявление мифопоэтического мышления не было характерным для века Просвещения, даже в период его заката оно кажется непонятным и «диким». Речь идет не о привычных эмблемах и аллегориях, устоявшихся в культуре абсолютизма и широко используемых в государственных и общественных празднествах. Это и не государственная мифология, приписывающая монарху свойства демиурга и проникающая в панегирические тексты классицистов, и не идиллический миф о золотом веке человечества. Как верно замечает З.Г. Минц, несмотря на то, что тематически аллегорическое искусство XVIII в. насыщено мифологией, оно «предельно удалено от принципов мифологизма» [15. С. 337]. Для С.С. Боброва, использующего в своей поэзии достижения предшественников в области аллегории и мифологической образности, в то же время характерно построение собственной авторской мифологии, опирающейся на индивидуальное мифомышление поэта.

Под «мифологичностью», или «мифомышлением», понимается в литературоведении особое мировосприятие, отсылающее к природным и культурным константам, ориентированное на глубинную культурную «память», «воскресающее» архетипы и преобразующее их в авторский миф, или авторскую мифологическую модель мира.

Особую мифологическую модель мира создает С.С. Бобров в составленном им самим сборнике поэзии «Рассвет полночи» (1804), в который вошли произведения, написанные им в период с середины 1780-х гг., когда впервые были опубликованы стихотворения Боброва в «Покоящемся трудолюбце», до начала 1800-х гг. (многие ранние тексты были переработаны автором). «Рассвет полночи» можно было бы определить как единый цикл,

или книгу стихов, предполагающую не просто подбор избранных произведений, но особое их расположение, когда композиция создает определенный контекст, отражающий авторское мировосприятие. Насколько можно судить, это первый подобный авторский сборник в русской литературе, единство которого обеспечивается не только именем автора, но и целостной мифологической идеей.

В книге выделяются три части: «Порфироносные Гении России», «Браноносные и миролюбивые Гении России, или Герои Севера в лаврах и пальмах», «Игры важной Полигимнии, забавной Каллиопы и нежной Эраты, или Занимательные часы для души и сердца относительно священных и других дидактических песней с некоторыми эротическими чертами и домашними жертвами чувствований». Исследователями подчеркивалось, что название книги имеет отношение к двум первым частям и мало связано с последней (об этом писал, например, И.Н. Розанов, отмечавший, что метафора «Рассвет полночи» «относится к первым двум частям» [16. С. 386], с ним согласился В.Л. Коровин [1. С. 73]. С нашей точки зрения, с названием, избранным автором для своей книги, связаны все части, что будет показано далее.

Центральным хронотопическим образом сборника является образ полночи, вынесенный в заглавие. «Полночь» в бобровском мировосприятии является мифологемой, актуализирующей самые различные смыслы. На поверхности оказывается историософский смысл, обусловленный именованием Российской державы страной «полночи», и «рассвет полночи» означает не что иное, как расцвет России в XVIII столетии, которому способствовали монархи начиная с Петра I. В данном случае мы соглашаемся с В.Л. Коровиным, который пишет: «Бобров создает поэтическую историю России XVIII столетия. Он видит в ней длинный путь, подготовивший наступающий “полдень”, “рассвет полночи”. “Полночь” – это и мрак исторического небытия страны до “сотворения” ее Петром, и сама Россия – северная страна, только теперь возрастающая в меру своего величия» [там же. С. 68]. Эта идея становится ведущей в первых двух частях поэтической книги Боброва, но этой идеей не исчерпывается значение «полночи».

Первые четыре стихотворения, открывающие третью часть «Рассвета полночи», создают сакральную картину истории человечества. Первое произведение – «Размышление о создании мира, почерпнутое из первой главы Бытия», рисует процесс создания мира и человека, грехопадения и «растления» природы, оказавшейся в несовершенном земном бытии вместе с изгнанными из рая людьми. Во втором стихотворении – «Прогулка в сумерки, или вечернее наставление Зораму» (это новая редакция «Ночного размышления», опубликованного в «Покоящемся трудолюбце» в 1785 г.) – изображается закат и приближение ночи, под которой подразумевается конец мира:

Ах! Скроет, – скроет тьма прекрасное светило
В те самые часы, когда б с небес оно
Еще в мир страждущий сиянье ниспустило? –
Ужель и всем мирам погибнуть суждено!.. [2. С. 279].

Но автор предсказывает, что конечной гибели не будет: «Подобно Фениксу наш мир возникнет вновь» [2. С. 279]. Это можно трактовать в свете христианской концепции мира как предсказание грядущего возрождения человечества в новом облике, в масонской трактовке – возрождения Первоадама в ветхом Адаме, освобождение от греха.

Третье стихотворение – «Полночь» – открывается изображением ночи, «царства тьмы над дремлющей вселенной» [там же]. Ночь символически соотносится со смертью:

О ночь! – лишь погрузишь в пучину мрака твердь,
Трепещет грудь моя – в тебе мечтаю смерть [там же. С. 280].

Глагол «мечтаю» здесь трактуется не так, как у сентименталистов: это не сладостное мечтание о более прекрасном, чем земной, мире, это воображение, представление. Постепенно понятие смерти обретает в тексте «Полночи» все более глобальное значение, сливаясь с образом конца мира и явления Жениха с Востока, идущего судить грешников:

Се в час полуночи грядет
Жених, одетый в страшный свет!..
<...>
Восстань, возжги елей и созерцай чертог,
Где ждет тебя Жених – твой Судия, – твой Бог! [там же. С. 281].

Четвертое произведение – «Утро», в нем рисуется образ восходящего солнца («луч зари восточну твердь разит» [там же. С. 282]), символически соотносимого с Богом:

Сын грации! – проснись! – уже проснулся день;
Ты спишь, – а в естестве открылась Божья тень. –
Моя душа связней по снах несвязных мыслит
И с трезвым чувством дела *Иеговы* числит;
Десницу розову в Его деннице зрит;
Горящий лик Его в светиле дня горит... [там же].

Восставшее солнце возвещает «Всеобщее» «из гроба тел восстанье / И присносущего светильника сиянье» [там же].

Так, используя мифологемы суточного времени, С.С. Бобров создает картину библейской истории. Нетрудно соотнести эту картину с рассмотренным выше представлением масонов и их мифологией суточного времени, в которой вечерний свет соотносился с сумерками земного существования человечества, а утренняя заря предвещала грядущий Полдень, т.е. Царство Божие. Художественная образность, разрабатываемая масонскими авторами, становится значимой и в творчестве Боброва, но если в масонских журналах мифология суточного времени еще только начинала проникать в поэзию, то у Боброва она обретает концептуальное значение.

В русле мифологии суточного времени осмысливается и жизнь отдельно-го человека. В стихотворении «Выкладка жизни бесталанного Ворбаба», имеющем автобиографический подтекст, герой пытается представить свою жизнь в образе различных времен суток:

Что ж в жизни прочно? Что успешно?
 Почту ли юны дни зарей?
 Там чувства то ж, что сумрак дней.
 Почту ли полднем средни лета?
 Там рдеет страсть – луч гаснет света.
 Почту ли вечером век поздний,
 Там все потерпит жребий грозный,
 Там чувство, – страсть, – ум, – все падет.
 Знать, вся лишь жизнь – еще рассвет,
 А полдня истинного нет.
 О небо! – там уже доспею,
 Там – в важной вечности – созрею... [2. С. 412].

Как можно заметить, здесь нет традиционного осмысления жизни человека как движения от утреннего рассвета к закату и ночи-смерти. Ночи здесь совсем не отводится места, и если жизнь земная – это рассвет, то полночь – это нечто до жизни, состояние небытия, как его можно определить, рождение и пребывание на земле – рассвет и ожидание полдня, который будет уже в другой жизни. Все это во многом соотносится с семантикой утреннего света и полдня у масонов, но у Боброва усилен элемент изменения, развития: у поэта не просто утренний свет, а именно *рассвет*, т.е. движение души из тьмы полночи к полуденному свету. И в таком контексте словосочетание «*рассвет полночи*» может быть понято как прохожде-ние душой испытаний, ведущих ее по пути к Божественному свету, а также как движение к более прекрасной жизни в ином мире. Подобный смысл содержится в стихотворении из второй части книги «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига». В произведении сравнивается младенческий возраст («в пеленах»), когда еще не было осознания коловратности жизни и своенравия счастья, и зрелый возраст, когда «Страстей движенье ощущаешь, / Как некий странный бег комет, / Как страсть одна другую клонит / И в сердце тьму за тьмою гонит...» [там же. С. 140]. Но достигший зрелого возраста знает, что впереди – «рассвет полночи»:

Светает, – там уже светает!..
 Смотри на полночь ты со мной! –
 Восток на Севере блистает;
 Там, – там в заре найдешь покой... [там же. С. 141]

Еще один смысл, скрывающийся под понятием «*рассвет полночи*», прочитывается из рассмотренного выше контекста.

Книга Боброва открывается стихотворением «Столетняя песнь, или Торжество осьмогонадесять века России». Идея движения, содержащаяся в

словосочетании, избранном для названия сборника, наиболее ярко проявляет себя в смене столетий:

Я слышу – стон там проникает;
Пробил, – пробил полночный час!
Бой стонет, – мраки расторгает,
Уже в последний стонет раз;
Не смерть ли мира – вздох времен?

Преходит век – и все с веками;
Единый род племен падет
И пресмыкается с червями,
Как из червей другой встает,
И все приемлет новый образ [2. С. 17].

Полночный час символизирует смену столетий, смену эпох, а также, учитывая огромное количество произведений, посвященных новому году, в анализируемой книге стихов, и смену лет. Причем под новым годом понимается не только всеобщее торжество, отмечаемое в ночь с 31 декабря на 1 января, но и новолетие (день рождения) адресатов некоторых стихотворений С.С. Боброва (новогодние произведения Боброва подробно проанализированы в монографии А.В. Петрова [17. С. 163–177]). В контексте мифологических представлений это связано с семантикой одного из самых значимых в сезонно-аграрном архаическом мышлении мифов об умирающем и воскресающем боге, который включает следующие составляющие: «Сезонный цикл года сопоставляется с солярным циклом дня, органическим циклом человеческой жизни, периодическим столкновением сил “порядка” и “хаоса”, регулярным обновлением царской власти и т.п.» [18. Т. 2. С. 548]. Весь спектр данной семантики наблюдается в «Рассвете полночи» С.С. Боброва.

Знаменательно появление образа двуликого Януса, бога дверей и всякого начала. Имя «Янус» этимологически восходит к значениям «дверь», «ворота». Два лица, смотрящие в разные стороны, отражают единство бинарных пар: прошлого и будущего, старости и молодости, левого и правого, внутреннего и внешнего, микрокосма и макрокосма, верха и низа, света и тьмы, мира и войны, космического и земного порядка [там же. С. 683–684]). Новогодняя полночь тождественна Янусу, вещающему в «Столетней песни» о своих двух ликах, старом и юношеском:

Я Янус, основатель мира,
Я ими зрю два мира вдруг,
Два века и два года вместе [2. С. 27].

Идея обновления дает надежду на возвращение золотого века, о чем пишет автор «Рассвета полночи» во втором стихотворении книги «К столетию XIX»:

Страшна отрасль дней небесных,
Вестник тайнств неизвестных,

Вечности крылатый сын,
 Рок носяй миров висящих,
 Радуйся! – Будь Исполин
 Меж веков быстропарящих!
 Обнови нам ныне ты
 Век *Сивиллин* золотый! [2. С. 28].

В первой части «Рассвета полночи», посвященной «порфириносым Гениям», для изображения славы Российской державы широко используется сложившийся в классицистической одической традиции тоpos исторической преемственности монархов на российском престоле. Ознаменованное начало процветания России в XVIII в. Петра сменяют правители, продолжающие его дело: сначала жена, затем дочь Елизавета, вслед за ней – Екатерина и Александр [там же. С. 24–25]. Как видим, в соответствии с выработанной во второй половине XVIII столетия государственной идеологией умалчивается о многих из русских правителей, но для реализации тоposa преемственности это не важно: важен факт постоянного обновления, циклического движения истории, являющегося залогом стабильности, процветания Российской империи. В «Драматическом песнотворении на кончину Екатерины II в трех явлениях» Бобров утверждает мысль о возвращении (воскресении) духа Екатерины в ее внуке Александре:

Се дух благий сквозь гроб блистает!
 Се Матерь свет чрез Внука льет!
Астря паки в нем живет [там же. С. 35].

Тот же смысл открывается в стихотворении «Торжественное утро Марта 12 1801 года», где от лица Екатерины II произносится речь, адресованная Александру:

Восстани, – тень рекла, – мой внук!
 Восстани! – для тебя небесный
 Теперь оставила я кров,
 Да возвещу, что рок чудесный
 Творит на глас Отца духов.
 <...>
 В тебе восстанет *Невский* древний,
 Восстанет Петр, – восстану Я [там же. С. 85].

В данном стихотворении в линию сменяющих друг друга монархов логично вписывается Александр Невский, имя которого тождественно имени нового монарха. Та же идея выражается в произведениях «Монаршее шествие в Москву для торжественного коронования», «Всерадостное сретение их императорских величеств по торжественном их короновании в Москве». Во второй части – в стихотворении «Образ зиждительного духа» (под «зиждительным духом» понимается «горный дух», призванный «преобразить сей круг», перед ним расступается тьма, и дух воплощается в кня-

зьях и государях: Владимире и Иоанне, Петре и Екатерине, в начале XIX столетия – в Александре [2. С. 142–144]. Приход нового монарха на российский престол ассоциируется с наступлением нового рассвета после смерти (мрачной ночи) предыдущего правителя. В оде «Высокоторжественный день коронавания их императорских величеств сентября 15 дня 1801 г. в Москве» рисуется образ рассвета:

Светись сквозь утренни туманы
В огнистом пурпуре, – восток!
Пролей янтарный свой поток
На доли и холмы песчаны! –
Отныне будешь ты священ [там же. С. 106].

Солнечный свет распространяется повсюду, рассеивает «облаков собор», и от лица персонифицированного персонажа, символизирующего Веру, высказывается надежда на благодатные деяния нового монарха, уподобляемого солнцу:

Да утренюет, как заря,
Твоя порфира царска ныне,
Да станет, станет во святыне
Торжественно стопа Царя!
Сияй! – будь утром благодатным!
Рассей тех облаков собор,
Что кроет мраком седьмикратным
Слезящий *Утешенья* взор [там же. С. 110].

Таким образом, мифологический смысл понятия «рассвет полночи», отражающий семантику умирания / воскресения, полноценно реализуется в концепции преемственности российских монархов, способствующих славе «полночной» державы. «Минула ночь; – на троне день!» [там же. С. 90] – афоризм из вышеназванного произведения, посвященного воцарению Александра, в нем утверждается торжество света над тьмой, жизни над смертью, «рассвет полночи».

Не менее наглядно проявляется обозначенная семантика умирания / воскресения и в широко используемом С.С. Бобровым одическом «общем месте», рисующем результаты преобразовательной деятельности правителей, «где прежде... ныне там...».

По слову Петра чудесным образом, в единый миг (что отражается с помощью лексемы «вдруг») топкие болотные земли преобразуются в пре-красный город:

И вдруг – где топь ложилась блатна,
Гнездились гады где одни,
Там возвышается приятна
Равнина в нынешние дни,
Где сквозь развалины ужасны
Свистали вихри ежечасны,
Там зданья высятся с земли... [там же. С. 66].

Эта же идея чудесного преобразования мертвого пространства, лежащая в основании «петербургского текста» русской литературы, звучит в произведениях «Высочайшая воля к довершению нового Адмиралтейства на месте бывшей галерной верфи, последовавшая при случае спуска корабля Гавриила 1802 года, в октябре», «Торжественный день столетия от основания града св. Петра, мая 16 дня 1803». В последнем произведении провозглашается гимн Петербургу и его строителю Петру:

Дивятся царства изумленны,
Что столь огромный сей колосс,
На зыбкой персти утвержденный,
Через столетие возрос... [2. С. 130].

«Зыбкая персть», болотная топь, существовавшие в этой местности до Петра, преобразились в «град державный, престол полмира» [там же. С. 130]. На месте уходящего в небытие прошлого рождается новое, бывшая «тьма» (болото, непригодное для жизни пространство) сменяется «светом» (великий град Петров), и в этом также видится «рассвет полночи».

Во второй части преобладают произведения, посвященные «браноносным и миролюбивым Гениям» России, т.е. развивающие тему войны и мира. И здесь также находит выражение авторская мифологема, в которой раскрывается противостояние сил света и тьмы. Война осмысливается как мрачное время (ночь, смерть), мир рисуется в идиллических солнечных тонах (утро, торжество света и жизни):

Минули те минуты мрачны,
Как лютая грозилась смерть
Широко зев раздвинуть алчный
И разом *россов* всех пожерть;
Уже в полях труба немеет
И к смерти звать уже не смеет;
Лишь нежная свирель зовет
В леса тенисты и прохладны
Внимать пастушек глас отрадный
И мирных песней их предмет [там же. С. 158].

Семантика суточного времени дополняется в поэтической книге С.С. Боброва изображением календарного времени. Мир, в соответствии с мифологическими представлениями, ассоциируется не только с утренним рассветом, но и с весной. Так, в оде «Всерадостное сретение их императорских величеств по торжественном Их короновании в Москве, октября», несмотря на то, что события происходят осенью, рисуется образ весны: «Мне мнится – дух весны возван / В сии часы неоцененны...» [там же. С. 121]. Мифология утра и весны сливаются в единое целое: «Грядет Помазанник в сияньи, / Как утро тихия весны...» [там же. С. 122]. Приветствуется мир, изливающийся на землю в виде утреннего благодатного дождя:

Мир снидет, яко дождь идущий,
 На тихи шелковы поля,
 Или как облак, капли льющий,
 Да усырится вся земля;

А *милость*, яко луч приятный,
 Что сыплет с утренних небес
 В долины свет свой благодатный...
 Исторгнет каплющие дани... [2. С. 125].

Процветание России ассоциируется, таким образом, с определенным временем года и суток.

В целом книга В.С. Боброва рисует образ времени, отнюдь не вызывающий у читателя восторженных чувств. Сменяющие друг друга дни и ночи, календарные сезоны, годы и столетия создают образ неумолимо летящего времени. «Бегут веков колеса с шумом» [там же. С. 17] («Столетняя песнь, или Торжество осьмогоднадесять века России»); «стрегуще время» крадется «как скромный тать в глубоком мраке», полет времени «страшен» и «своенравен» [там же. С. 139] («На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига»). Весна земной жизни слишком кратка, и неумолимо наступление осени-старости («Осенние мысли о четырех возрастах»).

В «Размышлении о создании мира, почерпнутом из первой главы Бытия», Бобров воссоздает картину возникновения времени:

А время – сколь легко вперед, – вперед бежало?
 Еще тогда оно плачевно повторяло,
 Что мы всегда, его теряя, будем жить,
 Забыв, как вдруг судьба прервет живую нить [там же. С. 274].

Сквозным становится у поэта образ трех парок, плетущих нити жизни, и автор обращается с молитвой к зловещим мифологическим персонажам, заботясь о благе своего друга:

Молюся *паркам* я суровым,
 Чтоб жизни твердо нить твоей
 Из шелка пряли с золотом новым,
 Как зачали в год новый сей [там же. С. 309].

Но если душа не омрачена пороком, то «сын вечности священной», летящий сквозь годы, не смущает ее смертью:

К кривому острию косы
 Душа правдиво лишь смеется,
 Не ропщет, что перестрижется
 Нить жизни в скорые часы [там же. С. 313].

«Правдивая» душа готова перенестись в другой мир – мир блаженной весны и солнца, потому что на земле нет вечного блаженства (Полдня), оно ожидается лишь за чертой смерти:

Не узришь на земле сея весны блаженной,
Пока небесный луч тебя не озарит,
А благотворна смерть твоей темницы брэнной,
Где дух твой чистится, – косою не истлит [2. С. 286].

Таким образом, анализируя особенности художественного мышления С.С. Боброва, отразившиеся в поэтической книге «Рассвет полночи», мы показали, что при создании авторской мифопоэтической картины мира существенную роль играет хронотопическая организация как композиции сборника, так и всей образной системы.

Наблюдения над художественным хронотопом поэзии С.С. Боброва позволяют сделать вывод о преобладающем внимании писателя к категории времени, причем время является неотъемлемой характеристикой земного пространства, которому противопоставлено Божественное пространство вечности. С.С. Боброву свойственно мифологическое мышление, поэтому его творчество не вписывается ни в рамки классицизма, ни в рамки сентиментализма, сложно отнести Боброва и к раннему романтизму. В сборнике «Рассвет полночи», который по типологическим признакам может считаться книгой стихов, поэт создает свою мифопоэтическую модель мироздания.

Как уже было отмечено, пространство распадается на две сферы: земную и небесную. Небесное является пространством вечной весны и Полдня, это пространство Божественное. Для земного пространства характерен неумолимый ход времени, проявляющийся в смене дней и ночей, сезонов, лет и столетий, в возрастах человеческой жизни, неизбежно приближающейся к старости и смерти.

Основным пространственным образом поэзии Боброва является образ России, в которой выделено два центра: Петербург и Москва. Именно здесь свершается главная мистерия XVIII столетия – расцвет и укрепление великой полночной державы, «рассвет полночи». Таково прямое значение вынесенного в заглавие поэтической книги словосочетания.

Хронотопический образ «рассвета полночи» отражает систему взглядов С.С. Боброва на движение времени и истории. Следуя мифопоэтической традиции, поэт уподобляет историю человечества смене суточного времени. Вечерние сумерки знаменуют грехопадение, ночное время суток – жизнь в изгнании из райской обители, рассвет – конец мира, предвещающий Полдень – вечную жизнь праведных в обновленном Божественном мире. Земная жизнь каждого отдельного человека, по существу, является лишь подготовкой к вечной жизни и трактуется как пребывание души в брэнной темнице ради очищения. Это и есть рассвет полночи, т.е. преодоление тьмы страстей и пороков и освобождение от «полночного» состояния.

В основе художественной концепции истории и земной жизни человека С.С. Боброва лежит архаический миф об умирающем и воскресающем Боге. Это подтверждается подчеркнутым вниманием поэта к образам, воспроизводящим ситуацию смены старого новым (новый год, новое столе-

тие, новый правитель, преобразование пространства по типу «где прежде... ныне там...»). Не менее значима в поэтическом мире Боброва концепция повторяемости и циклического движения времени, также характерная для мифологического сознания. Каждый новый монарх призван способствовать укреплению славы Российского государства, продолжая дело своих предшественников. Но история смены правителей в России в XVIII в. такова, что времена благоприятные чередуются с мрачными, поэтому воцарение монарха-просветителя, монарха-преобразователя приветствуется как очередной рассвет полночи.

Для выражения системы своих взглядов С.С. Бобров использует практически весь арсенал художественных средств, имеющихся в поэзии, в его творчестве присутствуют различные эстетические «языки», но внешний эклектизм поэтической манеры Боброва обусловлен новаторской задачей писателя: создать свою особую художественную концепцию мироздания, в основе которой лежат древние архаические представления. В чуждом глубинным принципам мифологизма аллегорическом искусстве XVIII в. не было выработано приемов для воплощения задуманного. Он стал первооткрывателем на этом пути, но остался не понятым своими современниками. Тем знаменательнее интерес к фигуре Боброва в начале XX в., когда мифологизм становится одним из определяющих принципов культуры.

Литература

1. *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М. : Academia, 2004. 320 с.
2. *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсонида : в 2 т. М. : Наука, 2008.
3. *Альтшуллер М.Г.* С.С. Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. // XVIII век. Сб. 6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М. ; Л., 1964. С. 224–246.
4. *Зайонц Л.О.* Э. Юнг в поэтическом мире Боброва // Ученые записки Тартуского ун-та. 1985. Вып. 645. С. 81–85.
5. *Altshuller M.G.* Semyon Bobrov and Edward Young // Russian Literature triquarterly. 21. Ann Arbor, Ardis Publishers. 1988. P. 129–140.
6. *Хурумов С.Ю.* «Ночная», «кладбищенская» английская поэзия в восприятии С.С. Боброва : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 22 с.
7. *Абузова Н. Ю.* «Ночь» и «Бессонница»: метафизические опыты С.С. Боброва и Ф. И. Тютчева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 14. Самара : АсГард, 2009. С. 310–321.
8. *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика / пер. с нем. М.Н. Жаровой. М. : Языки славянской культуры, 2009. 216 с.
9. *Лотман Ю.М.* Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 5–62.
10. *Лотман Ю.М.* Русская поэзия начала XIX века // Поэты начала XIX века / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Л., 1961. С. 5–112.
11. *Зайонц Л.О.* От эмблемы к метафоре: феномен Семена Боброва // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В.Э. Вацура. М., 1995. С. 50–76.
12. *Минералов Ю.И.* История русской словесности XVIII века : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 256 с.

13. *Васильев С.А.* Стилевые традиции Г.Р. Державина в русской литературе XIX – начала XX века. М. : Изд-во лит. ин-та им. А.М. Горького, 2007. 251 с.
14. *Петров А.В.* Поэты и история: Очерки русской художественной историософии: XVIII век. Магнитогорск : МаГУ, 2010. 266 с.
15. *Миц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 784 с.
16. *Розанов И.Н.* Русская лирика: От поэзии безличной – к исповеди сердца: ист.-лит. очерки. М. : Задруга, 1914. Т. 1. 416 с.
17. *Петров А.В.* Новогодняя поэзия в России (от Третьяковского до Бенедиктова). Магнитогорск : МаГУ, 2009. 267 с.
18. *Мифы народов мира*: энцикл. : в 2 т. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 2. 720 с.

MYTHOLOGY OF ARTISTIC SPACE AND TIME IN S.S. BOBROV'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 162–176. DOI: 10.17223/19986645/51/13

Anna G. Maslova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: ag.maslova@mail.ru

Keywords: Russian poetry of late 18th – early 19th centuries, S.S. Bobrov, artistic time and space, mythopoetics, poetic myth-making.

The article analyzes S.S. Bobrov's poetic book *The Dawn of Midnight* (1804). The author of the article gives a brief overview of research works devoted to the study of Bobrov's poetry – works of V.L. Korovin, M.G. Altshuller, Yu.M. Lotman, Riccardo Nikolozzi, L.O. Zayonts, Yu.I. Mineralov, S.A. Vasiliev, A.V. Petrova. All researchers underline the innovative nature of Bobrov's creative works, his propensity for experiments. A.G. Maslova in her article considers the problem of the origins of Bobrov's experiment. According to the author's hypothesis, Bobrov's innovation in *The Dawn of Midnight* is due to the mythological thinking of the poet. "Mythology" in literary criticism is considered to be a special world view, referring to natural and cultural constants, to the deep cultural "memory" and creating the author's mythological model of the world. The title "Dawn of Midnight" reflects the mythological content of the book, and the author's model of the world is based on the mythology of the daily time and the mythology of the dying and rising God.

Maslova's article shows that time plays a conceptual role in Bobrov's book. Space is inseparable from time. Bobrov's poetry is represented by two spheres: human and divine. Divine is the space of eternal spring and half-day. Human space is characterized by an inexorable course of time, by changing days and nights, seasons, years and centuries, ages of human life, which inevitably approach old age and death.

The poet compares the history of humankind with changes of everyday time. Evening twilight means the fall, night time is life in exile from the paradise monastery, dawn is the end of the world, coming noon is the eternal life of the righteous in the renewed Divine world.

The central chronotopic image of the book is the image of the midnight sunrise in the title. This image can be understood differently. Firstly, it is the image of Russia – a mid-term power experiencing its dawn in the 18th century thanks to Peter the Great and his successors on the Russian throne. Secondly, it is the image of the world which is in a state of waiting half-day. Thirdly, this is the human life of a person, which is viewed as preparation for a "half-day life", "eternal spring" in the light of Masonic philosophy.

In contrast to "midnight" the poet creates the image of "half-day", which is associated with the transformation of humankind in another, non-human, divine being.

The mythological thinking of Bobrov is most clearly seen in the fact that the poet pays attention to borders and transitions, movements and qualitative changes, dying and rising. Time rules in the earthly world, it is manifested in the constant change of days and nights, seasons, years and centuries. But the changing life itself means movement to a different, half-day state (that is, to eternity, to the divine space). This movement is shown with the help of the mythologem "the dawn of midnight".

References

1. Korovin, V.L. (2004) *Semen Sergeevich Bobrov: Zhizn' i tvorchestvo* [Semyon Sergeevich Bobrov: Life and work]. Moscow: Academia.
2. Bobrov, S.S. (2008) *Rassvet polnochi. Khersonida: v 2 t.* [The dawn of midnight. Chersonide: in 2 vols]. Moscow: Nauka.
3. Al'tshuller, M.G. (1964) S.S. Bobrov i russkaya poeziya kontsa XVIII – nachala XIX v. [S.S. Bobrov and Russian poetry of the late 18th – early 19th centuries]. In: Berkov, P.N. & Serman, I.Z. (eds) *XVIII vek* [The 18th century]. Is. 6. Moscow; Leningrad: Nauka.
4. Zayonts, L.O. (1985) E. Yung v poeticheskom mire Bobrova [E. Young in the poetic world of Bobrov]. *Uchenye zapiski Tartuskogo un-ta.* 645. pp. 81–85.
5. Altshuller, M.G. (1988) Semyon Bobrov and Edward Young. *Russian Literature triquarterly.* 21. pp. 129–140.
6. Khurumov, S.Yu. (1998) “Nochnaya”, “kladbishchenskaya” angliyskaya poeziya v vospriyatii S.S. Bobrova [The “night-time”, “cemetery” English poetry in the perception of S.S. Bobrov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Abuzova, N. Yu. (2009) “Noch” i “Bessonnitsa”: metafizicheskie opyty S.S. Bobrova i F. I. Tyutcheva [“Night” and “Insomnia”: metaphysical experiments of S.S. Bobrov and F.I. Tyutchev]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka* [Problems of studying the Russian literature of the 18th century]. Is. 14. Samara: AsGard. pp. 310–321.
8. Nikolozii, R. (2009) *Peterburgskiy panegirik XVIII veka: Mif – ideologiya – ritorika* [The Petersburg panegyrics of the 18th century: Myth – ideology – rhetoric]. Translated from German by M.N. Zharova. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
9. Lotman, Yu.M. (1971) Poeziya 1790–1810-kh godov [Poetry of the 1790s–1810s]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sov. pisatel'.
10. Lotman, Yu.M. (1961) Russkaya poeziya nachala XIX veka [Russian poetry of the beginning of the 19th century]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Poety nachala XIX veka* [Poets of the early 19th century]. Leningrad: Sov. pisatel'.
11. Zayonts, L.O. (1995) Ot emblemy k metafore: fenomen Semena Bobrova [From the emblem to the metaphor: the phenomenon of Semyon Bobrov]. In: *Novye bezdelki: sb. st. k 60-letiyu V.E. Vatsuro* [New trinkets: collection of articles to the 60th anniversary of V.E. Vatsuro]. Moscow: NLO.
12. Mineralov, Yu.I. (2003) *Istoriya russkoy slovesnosti XVIII veka* [History of the Russian literature of the 18th century]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS.
13. Vasil'ev, S.A. (2007) *Stilevye traditsii G.R. Derzhavina v russkoy literature XIX – nachala XX veka* [The style traditions of G.R. Derzhavin in the Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Izd-vo lit. in-ta im. A.M. Gor'kogo.
14. Petrov, A.V. (2010) *Poety i istoriya: Ocherki russkoy khudozhestvennoy istoriosofii: XVIII vek* [Poets and history: Essays on Russian artistic historiography: 18th century]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
15. Mints, Z.G. (2000) *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
16. Rozanov, I.N. (1914) *Russkaya lirika: Ot poezii bezlichnoy – k ispovedi serdtsa: ist.-lit. ocherki* [Russian lyrics: From impersonal poetry to the confession of the heart: historical and literary essays]. Vol. 1. Moscow: Zadruga.
17. Petrov, A.V. (2009) *Novogodnyaya poeziya v Rossii (ot Trediakovskogo do Benediktova)* [New Year's poetry in Russia (from Trediakovsky to Benediktov)]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
18. Tokarev, S.A. (ed.) (2000) *Mify narodov mira: entsikl.: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.